

Daniel Schreiber

ZUHAUSE

*Die Suche nach dem Ort,
an dem wir leben wollen*

Даниэль Шрайбер

ЧУВСТВО ДОМА

*Как мы ищем
свое место*

Перевод с немецкого
Сергея Ташкенова

Individuum
Москва, 2026

УДК 13+316.37

ББК 87.6+364.624.4

Ш85

Шрайбер, Даниэль.

Ш85 Чувство дома. Как мы ищем свое место / Даниэль Шрайбер;
[пер. с нем. С. Ташкенов]. — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 136 с.

ISBN 978-5-04-218800-8

Что удерживает нас в месте, которое мы называем домом? Язык, ландшафт, люди. А еще, вероятно, почти неуловимое чувство, что здесь можно быть собой. Немецкий писатель Даниэль Шрайбер соединяет собственные страхи и надежды с мировой философией, социологией и культурной критикой и размышляет о переживании чужести в родном городе, о коллективной памяти беженцев. И о том, как с ходом жизни меняется наше ощущение принадлежности, наше чувство дома.

УДК 13+316.37

ББК 87.6+364.624.4

© 2017 Hanser Berlin im Carl Hanser
Verlag GmbH & Co. KG, München

© С. Ташкенов, перевод с немецкого, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-218800-8

Individuum®

Содержание

Откуда тоска?	7
Наше наследие	19
Расширение внутренней географии.....	39
Откуда я родом.....	55
Дом без дома.....	76
То самое чувство надежности.....	90
Обрести себя.....	105
Красота шрамов.....	118
<i>Благодарности</i>	129
<i>Литература</i>	131

Откуда тосна?

Нет весны красивее лондонской. Дни быстро наливаются еще мягким солнцем. Повсюду зеленеют ухоженные городские парки, все вокруг расцветает приятными красками: сначала кусты камелий, розовых и цвета слоновой кости, затем штрихами желтого вступают различных сортов нарциссы, потом анемоны, тюльпаны, магнолии, и наконец, вишневые деревья неповторимого пурпурного оттенка. На фоне всего этого словно из ниоткуда появляются утки-мандаринки, лысухи и лебеди-шипунь, пробуждая каналы и пруды к новой жизни. Этот период длится несколько недель, иногда месяцев. Зелень захватывает город с такой нежной решимостью, что кажется, будто все это навсегда.

Мне уже доводилось бывать в Лондоне, и не раз, но теперь предстояло остаться здесь сразу на несколько месяцев. Когда самолет приземлился в Хитроу, я почувствовал облегчение. Позади осталось изнурительное время с бесчисленными интервью и авторскими вечерами, и я с нетерпением ждал, когда смогу наконец перевести дух

и вернуться к письму. Двое друзей предоставили мне свой небольшой дом в восточной части города, чтобы я присматривал за ним, пока они будут работать над проектом в Америке. Это была почти семейная договоренность — в предыдущие годы мы уже нередко так делали. Со временем мне полюбился и этот дом, и район стал почти своим, появились новые друзья. Сложился даже определенный распорядок дня: после утренних часов за письменным столом я бегал вдоль Темзы, включив погромче музыку в наушниках, от Тауэрского моста до делового центра Канэри-Уорф, или в сторону парка Виктории с его прудами, платанами и историческими пагодами. Почти каждый день я ходил на выставки в галереях и музеях. По вечерам встречался с друзьями и знакомыми.

Я уже давно подумывал переехать сюда, то и дело присматривался к квартирам, оценивал свои возможности. Но всякий раз шел на попятную: жизнь в городе была непомерно дорогой, да и что-то удерживало меня в Берлине.

Весна в Лондоне означала также неизбежность встречи [REDACTED] я был несколько месяцев годом раньше. У нас сложились непростые отношения, а за расставанием последовали долгие недели сознательной дистанции. В конце концов мы решили остаться друзьями. Без особого, правда, успеха. В какой-то момент мы снова начали каждый день переписываться или созваниваться, вместе встретили Рождество и вскоре на несколько дней съездили в Энгадин. Во многом казалось, будто [REDACTED].

Но чем дольше длилась эта неопределенность, чем чаще мы виделись в первые дни и недели той весны, тем труднее мне давалась эта дружба и тем настойчивей выступали на первый план вещи, из-за которых наше

расставание тогда было неизбежным. Ситуация становилась тягостной. Независимо от контекста, наша потребность в близости всякий раз приводила к болезненным конфликтам. В какой-то момент я решил перестать ■■■■ встречаться, хоть мы и находились в одном городе.

Решение, равносильное новому расставанию, далось мне очень и очень тяжело. Конечно, я не ждал, что буду чувствовать себя великолепно, но я не был готов к кризису, в который ввергло меня это решение. Оно выбило почву из-под ног. После нашей последней встречи я перестал нормально есть и спать. Несколько дней спустя я бросил бесплодные попытки работать над текстом, который обещал редакции журнала. Я был не в состоянии написать ни строчки. Осознавая всю глупость затеи, вновь закурил. Весь бытовой распорядок моей маленькой лондонской жизни испарился, будто его и не было. Все, что я мог, — это бесцельно бродить по городу, сидеть в парке и с открытой книгой в руках смотреть на птиц в пруду и на прекрасную весеннюю зелень. По лицам друзей я понял, что они начинали за меня беспокоиться. Давно мне не было так грустно.

У каждого жизненного кризиса есть свой саундтрек, композиция тем и мотивов. Те весенние месяцы были пронизаны острой тоской. Я знал, что буду скучать по ■■■■. Но я также оплакивал что-то, что не мог выразить словами, что ощущалось как иррациональное обещание будущего. Словно больше, чем ■■■■, мне недоставало чувства защищенности. Тоска, определявшая этот кризис, была тоской по чувству защищенности, тоской по дому.

В течение следующих недель и месяцев она лишь усилилась. Я ощущал почти непреодолимую потребность

в месте, где будет надежно. Это пробивающееся желание диктовалось сущностью бытия; долгое время я его подавлял — во многом оно было связано с внутренним беспокоеством, определявшим мою жизнь в предыдущие годы. Желание, которое обернулось вопросом, как и где я хочу жить. Казалось бы, странно, что этот вопрос застал меня врасплох. Почти все мои берлинские друзья успели обзавестись семьями. Пары заводили детей; одинокие создавали пары. Почти все мои знакомые купили квартиру или задумывались о приобретении недвижимости. Всему этому я до сих пор не придавал особого значения.

Дни становились длиннее и теплее, Лондон просыпался и оживал. Увядали последние тюльпаны, у лебедей и уток появились пушистые птенцы. В воздухе то и дело уже ощущалось лето — совсем скоро оно придет в город. Мне так и не полегчало. Я не хотел возвращаться в Берлин, как бы сильно я ни скучал по друзьям. Не хотел ехать в Нью-Йорк, где провел большую часть юности с [REDACTED]. И не хотел оказаться в озерном крае Мекленбурга, где я вырос и где живут мои родители. Я тосковал по родному дому, не имея ни малейшего представления о том, где и чем этот дом может быть.

Почему вообще важно иметь свой дом? И что это, собственно, значит — быть дома? Чувство дома — парадоксальная эмоция. Это настолько фундаментальная часть жизни, что мы почти о нем не задумываемся — разве что поневоле. Чувство дома привязано к определенному месту, иногда к нескольким, но в то же время оно гораздо больше какого-то места. То, что входит в понятие «дом», вызывает больше образов, воспоминаний и ожиданий,

чем что-либо еще — и вместе с тем трудно дать ему определение.

Даже в самых ранних индоевропейских языках существовали слова, включающие в себя комплекс значений дома, поселения, материальной и духовной надежности. Индийско-американский этнолог Арджун Аппадурраи называл желание иметь свой дом «базовой человеческой потребностью в локализации». По его мнению, эта потребность выходит далеко за рамки обстоятельства, что люди обживаются в определенном месте; скорее, она включает в себя также сущностные аспекты принадлежности, надежности и общности. Почти каждый из нас рано или поздно начинает тосковать по чувству защищенности, по дому. С точки зрения психоанализа впервые мы испытываем чувство защищенности в младенчестве, находясь в надежных объятиях родителей, а затем зачастую всю жизнь ищем возможности испытать его снова. По словам французского философа Симоны Вейль, «укоренение — это, быть может, наиболее важная и наименее признанная потребность человеческой души». В контексте истории и культуры то, что мы понимаем под «домом», может принимать различные формы в зависимости от эпохи, страны и общественного уклада, но это одна из наших фундаментальных антропологических констант. Желание иметь свой дом глубоко закреплено не только в каждом из нас, но и в нашем коллективном бессознательном. Оно определяет, как мы организуем свою социальную жизнь, как думаем о том, кто мы такие, и как видим общество, в котором живем.

Возможно, именно это глубокое психологическое, историческое и культурное закрепление заставляет нас

считать, что свой дом — нечто само собой разумеющееся и сегодня. При ближайшем рассмотрении оказывается, что всё ровно наоборот: для многих отношение к тому, что мы называем домом, сейчас сложнее, чем в совсем недавнем прошлом, и есть все основания полагать, что эта тенденция будет укрепляться. Все меньше людей остаются жить там, где родились. Классические модели отношений, долгое время казавшиеся общепринятыми, утратили значение. Для одних растущая глобализация мира сопровождается расширением жизненных возможностей, для других — чувством потери себя. Усугубляющийся раскол в обществе и структурные изменения в политике и публичной сфере тоже ведут к удивительно глубокому чувству неустойчивости. Мы живем в эпоху потрясений, а такие времена всегда влекут за собой перемены в наших фундаментальных представлениях о мире и о том, что такое дом.

Наиболее отчетливо нынешние трансформации считаются по тому, как постепенно теряет актуальность некогда столь важный вопрос «Откуда вы родом?». Рассуждая о своем происхождении, писатель индийских корней Пико Айер, родившийся в Великобритании, выросший в США и проживающий в Японии, приходит к выводу, что всё больше людей наделяют место, где выросли, иным значением, чем еще несколько десятилетий назад. Сегодня большинство из нас успевает переехать по несколько раз за жизнь, некоторые меняют страну или даже континент, одни — навсегда, другие — на время. У кого-то дом ассоциируется с родителями, кто-то сознательно выбирает на время вторую родину, для кого-то это место связано с партнером, работой или налоговым резидентством.

Если в недавнем прошлом люди, родившись в определенной географии или социальном круге и классе, как правило — в том числе эмоционально, — оставались привязанными к ним, в наши дни самопонимание и чувство принадлежности на удивление часто подвергаются процессам дробления.

Сложно не сетовать с ностальгией на эту тенденцию, но для многих она оказывается большим благом. Сколько теперь удастся найти свой дом, о чем раньше и подумать-то было сложно. Особенно у тех, кто не вписывается в нормы общества, в котором они родились, для кого место происхождения связано с опытом изоляции и стигматизации, теперь есть возможность где-то еще найти людей, имеющих схожий опыт, или просто людей, которые примут и полюбят их такими, какие они есть. Возможно, это самый прекрасный и революционный аспект изменений, происходящих с нашим представлением о доме: сегодня гораздо больше людей могут найти сообщество, в котором их будут уважать и оберегать, сообщество, примерно соответствующее тому, что Ханна Арендт вслед за Аристотелем называла «полисом», сообщество, где люди не стремятся создать одну на всех идентичность, но дают другому пространство для его инаковости.

Метаморфоза наших представлений о доме не ограничивается Германией, это глобальное явление. Сегодня около 250 миллионов человек живут в стране, где они не родились, — на 40 % больше, чем 15 лет назад. Среди них есть люди, бегущие от войн и системного коллапса родной страны в поисках достойной жизни. Встречаются и представители мировой экономической элиты, которые все больше предпочитают перемещаться между

Европой, Америкой и Азией. Подвижность этих людских потоков влияет на весь мир. Она учит мыслить и чувствовать иначе.

Если раньше чувство дома ассоциировалось с конкретным местом, откуда мы родом, сегодня оно скорее связано с воображаемым местом, куда мы хотим попасть. Дом стал чем-то, что приходится всю жизнь искать и строить: место в равной мере реальное и воображаемое, духовное и социальное, где мы остаемся жить по причинам, которые даже не нужно осознавать. Похоже, что в коллективном понимании «дома», синонимом которого долгое время было «происхождение», важен теперь поиск, один из наиболее существенных: поиск сообщества, семьи, внутренней гармонии с миром. Места, где кончается бегство, где перестаешь убегать. Места, где обретаешь себя.

Периоды мрака мучили меня и раньше, осложняя мне жизнь на недели, а то и на месяцы; иногда они выливались в депрессию, целиком выводили меня из строя. Со временем я научился с этим жить. С тех пор как несколько лет назад я бросил пить, такие периоды стали реже, порой казалось, они вовсе исчезли. Депрессия, начавшаяся в Лондоне, ощущалась иначе. Она нахлынула с неожиданной силой и держалась много месяцев, даже когда я вернулся в Берлин. Буквально непреодолимое сопротивление удерживало меня от того, чтобы вернуться к проверенным привычкам, прежде помогавшим мне проживать такие периоды. Я не ходил ни на йогу, ни на бокс, кроссовки для бега не покидали своего угла, а о медитации не возникало и мысли.